

Научная статья

УДК 82.0

[https://doi.org/ 10.37493/2409-1030.2024.2.8](https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8)

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ И ЕЕ ФОРМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920-Е ГГ.

Роман Александрович Клочков

Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, Москва, 125047, Российская Федерация)

Аспирант

ketridze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7325-5516>

Аннотация. Введение. В основе статьи – проблема формирования представлений о славянской идее в публицистике Русского Зарубежья 1920-х годов. **Материалы и методы.** Анализируются публицистические работы видных представителей русской послереволюционной эмиграции, принадлежавших различным политическим и идеологическим течениям: А.С. Изгоева, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Н.А. Фиркса, Е.В. Спекторского, А.Л. Погодина, В.И. Лебедева. **Анализ.** Автор рассматривает специфику взглядов представителей различных течений русской общественно-политической мысли на славянский мир и межславянские отношения в новых политических условиях, сложившихся после окончания Первой мировой войны. К результатам войны можно отнести, в частности, последовавшие процессы национально-политического переустройства Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВиЮВЕ), а также произошедшие в России (1917 г.) и Австро-Венгрии (1918 г.) революции. Эти события и процессы подтолкнули современников к переосмыслению ранее устоявшихся воззрений на славянскую идею, а также перспектив ее применения при построении различных проектов в регионе. **Результаты.** Воз-

никшие в русской зарубежной среде дискуссии о славянской идее затрагивали проблемы будущего славянского мира, места и роли в нем России, соотношения большевистского фактора и славянства, взаимозависимости форм славянской идеи и национальных политических проектов созданных полиэтнических государств ЦВиЮВЕ, прежде всего Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии.

Ключевые слова: славянская идея, славянофильство, панславизм, Русское Зарубежье, Россия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославия

Для цитирования: Клочков Р. А. Славянская идея и ее формы в публицистике представителей Русского Зарубежья в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 263–272. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2023.

Статья принята к публикации: 28.02.2024.

Research article

THE SLAVIC IDEA AND ITS FORMS IN POLITICAL JOURNALISM OF RUSSIAN ÉMIGRÉS IN THE 1920S

Roman A. Klochkov

Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation)

Postgraduate student

ketridze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7325-5516>

Abstract. Introduction. The article studies the reflections on the Slavic idea in Russian émigré political journalism in the 1920s. **Materials and Methods.** The source base for the article are the journalistic works of a number of representatives of various ideological and political movements of the Russian post-revolutionary emigration: A.S. Izgoev, P.B. Struve, P.N. Milyukov, N.A. Firks, E.V. Spector, A.L. Pogodin, V.I. Lebedev. **Analysis.** The author examines the features of views among different trends of Russian socio-political thought on the Slavic world and inter-Slavic relations in the new political conditions that formed after the First World War. In particular, the results of the war included the subsequent processes of national-political reorganization of Central-Eastern and South-Eastern Europe, as well as the revolutions that took place in Russia (1917) and Austria-Hungary (1918). These events and processes facilitated the reconsideration of previously established views on the Slavic idea, as well as the prospects for its application in political projects in the region. **Results.** The discussions about the Slavic idea that arose in the Russian émigré envi-

ronment touched upon important issues: the future of the Slavic world, the place and role of Russia among the Slavs, the Bolshevik factor and Slavism, the correlation between the forms of the Slavic idea and the national political projects of the young multi-ethnic states, primarily Czechoslovakia and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia.

Keywords: Slavic Idea, Slavophilism, Pan-Slavism, Russia Abroad, Russia, Czechoslovakia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia

For citation: Klochkov RA. The Slavic idea and its forms in political journalism of Russian émigrés in the 1920s. *Humanities and law research*. 2024;11(2):263-272. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.12.2023.

The article was accepted for publication: 28.02.2024.

Введение. Понятие «славянская идея» не имеет строгого однозначного определения. Оно включает в себя совокупность представлений о славянском мире и его особенностях, а также взгляды на возможные пути развития славянских

народов. Славянская идея, в той или иной форме, могла принимать идеологическую окраску, поэтому, зачастую, ее содержание варьировалось в зависимости как от складывавшейся политической ситуации внутри определенного сообщества,

государства или на международной арене, так и от социально-политических и этнополитических взглядов ее носителей.

Для начала необходимо определить содержание некоторых понятий, встречающихся в русской эмигрантской публицистике 1920-х гг. в контексте размышлений о славянском мире, его прошлом, настоящем и будущем. Одно из таких понятий – «славянофильство». Складываясь как направление русской философской и общественно-политической мысли, основной задачей которой было формирование русской духовно-национальной идентичности, основанной на православии, славянофильство в то же время связывало русскую национальную идею со «славянским элементом» [6; 38]. В рамках своей доктрины ранние славянофилы (1840-е гг.) содействовали развитию идеи духовно-культурной славянской взаимности, при этом считая неприемлемым пытаться реализовать политические объединительные проекты во главе с Россией [6, с. 93; 22, с. 35-134, 151-162]. Однако в работах представителей так называемого пореформенного славянофильства (1860-е – 1900-е гг.) исследователи отмечают заметный шаг в сторону идеи всеславянского политического объединения [13]. Представители публицистики русской послереволюционной эмиграции, рассуждая о проблемах славянского мира, иногда употребляли понятие «славянофильство» в наиболее широком смысле – как простое выражение симпатий к славянской культуре в целом.

Следующее понятие, часто употреблявшееся в рамках дискуссий о славянстве и славянской идее – панславизм. Корнями уходя в теории славянской общности, развивавшиеся славянскими интеллектуалами, термин «панславизм» включает в себя формировавшиеся на протяжении многих лет в различных интеллектуальных и политических кругах представления о единстве славянских народов и формах их культурного или политического объединения [21; 22; 23; 28]. Как и в случае со славянофильством, употребление понятия панславизм в эмигрантской публицистике (и не только в ней) показывает неоднозначность его восприятия и трактовки (в зависимости от взглядов автора текста), а соответственно и различные смысловые оттенки.

Кратко рассмотрим историю становления славянской идеи в дореволюционной России, рассмотрев период с начала XIX в. до 1917 г. Российский ученый-славист А.Н. Пыпин заметил, что славянская идея возникла и укрепилась в русском обществе «как нечто сознательное» достаточно поздно [26, с. 74]. Причины развития славянской идеи в России и среди славянских народов Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВиЮВЕ) были различны. В России не было необходимости «возрождать свою нацию», следовательно, не происходило процесса «национального возрождения» – принявшего форму национальных движений – в том смысле, в каком

он разворачивался среди южных и западных славян, находившихся под властью Габсбургов и Османской империи [1, с.260 – 261]. Параллельно с российскими вариантами славянской идеи, с их отличительными особенностями, на Балканах и в Центрально-Восточной Европе формировались и развивались свои собственные национально ориентированные интеграционные проекты, вдохновленные славянской идеологией [40].

Проблемы зарубежного славянства стали находить широкий отклик русской общественно-политической мысли в XIX в., на фоне развивавшихся национально-освободительных движений славянских народов. Славянская идея в 1820-е гг. развивалась в контексте деятельности декабристских обществ. Некоторые представители декабристского движения (например, общество «Соединенных славян», созданное в 1923 г.), вдохновившись романтической идеей, которая, по словам А.Н. Пыпина, «прельщала своей поэтической красотой» [1, с. 263], размышляли о славянском союзе – федерации, куда бы вошли отдельные славянские республики.

В 1830-е – 1850-е гг. славянская идея в России развивалась и разветвлялась под влиянием нескольких идеологических течений русской общественной мысли. О славянском мире в определенной степени писали и рассуждали славянофилы (И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин и др.), изначально идеологически находившиеся в стороне и от консервативного («охранительного»), и от революционно-демократического течений [38, с. 7–33]. Значительное внимание славянофилы уделяли представителям зарубежного православного славянства. В рамках консервативного направления русской общественно-политической мысли вел свою общественную и научную деятельность историк М.П. Погодин, установивший тесные контакты с зарубежными славянами. М.П. Погодин одним из первых выдвинул мысль о желательности сближения славянских народов и объединения их в славянскую федерацию, куда также должны были войти неславянские государства – Венгрия, Греция и Молдавия [38, с. 65–71]. В русской социалистической мысли к середине XIX в. славянская идея также не осталась в стороне. Такие ее представители как М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, вдохновившись революционными событиями 1848 – 1849 гг. в Европе, обращались к славянской идее для построения федеративных славянских проектов революционно-демократического характера – «свободной славянской федерации» [7, с. 82–91; 8].

Крымская война (1853–1856 гг.) привела к обострению отношений бывших союзников по Священному союзу – России и Австрии, наметив определенный рубеж в международных отношениях. В российской публицистике усилились призывы оказать поддержку освободительному движению балканских славян, находившихся под властью Османской империи и монархии Габсбургов.

Во второй половине XIX в. славянская идея в России (как и среди славянских народов ЦВиЮВЕ) развивалась с переменным успехом. В это время активизировалась деятельность славянских благотворительных обществ в России, участники которых, хотя и ведомые различными целями и задачами, вдохновлялись мыслью о всеславянстве. В рамках славянского благотворительного движения совершались попытки налаживания контактов с представителями зарубежной славянской общественности. Однако Польское восстание 1863 г. и его подавление наметило раскол в рядах как зарубежной славянской интеллигенции, так и русских общественно-политических деятелей. Среди представителей национальных движений западного славянства – чехов и словаков – результаты восстания в Царстве Польском способствовали снижению русофильских настроений. С 1860-х гг. в России стали находить отклик размышления об антагонизме романо-германского (западного) и славянского миров, наиболее ярко оформившиеся в концепции Н.Я. Данилевского. Н.Я. Данилевским, как сторонником панславизма, была выдвинута идея создания «всеславянской федерации», через которую разобщенные славяне должны были сплотиться в единый «славянский союз», который должен был стать преградой экспансии из Европы [38, с. 200–208].

«Восточный кризис» середины 1870-х гг. явился важнейшим событием международно-политической жизни Европы второй половины XIX в., а также крупной вехой в истории развития славянской идеи. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. оказала значительное влияние на развитие славянских проектов на Балканах и в Центрально-Восточной Европе, в определенном смысле оживив славянскую идею, что выразилось в некотором подъеме русофильских настроений среди зарубежной славянской общественности. Но к началу XX в. славянское движение в размышлениях представителей интеллигенции и общественности славянских народов стала обретать новую форму. Нараставшая угроза немецкой экспансии на восток находила отклик внутри российской общественности. Развитие представлений о воинственном пангерманизме содействовало утверждению мысли о необходимости всеобщего славянского сплочения перед лицом нарастающей угрозы и примирения давних противников в славянском стане (необходимым считалось разрешить противоречия между поляками и русскими, сербами и хорватами, болгарскими и сербами). Подобные размышления отразились в концепции неославизма [7; 20]. Сторонники «нового славянского движения» выдвинули лозунг перехода славянской идеи от теоретических измышлений к их практической реализации, в чем и обозначилось отдаление неославистской мысли от представлений, формировавшихся под влиянием славянофильства.

Первая мировая война способствовала обновлению социальной, экономической и политической сфер жизни многих государств. По ее окончании державы-победительницы приступили к строительству новой системы международных отношений, определенной Версальским, Сен-Жерменским, Нейским, Трианонским и Севрским мирными договорами. Тема славянства вновь стала вызывать интерес в Западной Европе. Революционные процессы в России и изменение ее внешнеполитического вектора с приходом большевиков к власти, военное поражение Германии и Австро-Венгрии, распад империи Габсбургов и национально-политическое самоопределение славянских народов – все эти события и процессы привлекли внимание политических кругов и интеллигенции западноевропейских стран к «славянскому вопросу». В результате крупномасштабных изменений на международной арене, заметнее стали проявляться новые взгляды и оценки проблем национальной политики, переосмысления перспектив культурного и политического развития славянских народов.

На политической сцене молодых суверенных славянских (национальных, но полиэтнических по составу населения государств, включавших в себя различные, хоть родственные, славянские народы) государств – Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Польши, Болгарии, проявили себя сторонники коренного обновления устаревших, по их мнению, идейных принципов строительства национальной политики. На развитие этого процесса также оказал свое влияние тот факт, что Советская Россия (с 1922 г. – СССР) изначально взяв курс на революционный интернационализм, отказалась от роли защитницы славянства, которую стремилась играть Российская империя [29].

Оценив послевоенные перспективы, ряд политиков новой формации, прежде всего чехословацкие государственные деятели Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, старались ориентироваться на страны Антанты, прежде всего на демократическую Францию. Чешские и словацкие последователи Т. Г. Масарика, не исключив славянскую идею из своей политической программы полностью, в то же время критически переосмыслили ее, отступив от чрезмерно идеалистического, с их точки зрения, понимания славянского мира. Идеи славянской общности они рассматривали через принципы национально ориентированной политики [4]. Среди югославянской политической элиты были также те, кто еще до начала войны в своих политических программах предпочли ориентироваться на Францию и ее опыт в противоположность русофильским течениям, наиболее ярко представленным политической фигурой Н. Пашича. Здесь нужно отметить некоторых членов сербской Независимой радикальной партии (например Й. Скерлича и Й. Жуйовича). Однако младоради-

калы, рассматривая славянскую идею политически, решительно выступили против набиравших популярность в первое десятилетие XX в. неославистских идей, видя в них панславистскую угрозу [39, p. 123–124].

Материалы и методы. Потрясения Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны к началу 1920-х гг. привели к эмиграции из России сотен тысяч людей. Многие из них оказались на территории ряда государств ЦВиЮВЕ, прежде всего Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии) и Чехословакии. Жизнь в окружении представителей центрально-европейского и балканского славянства, разумеется, не могла не затронуть настроения русских изгнанников, ощущавших себя частью цельного славянского мира. Многие эмигранты с ностальгией вспоминали о «былой» России, которая еще в недавнем времени занимала видное место в культурной и политической жизни всего славянства. В эмигрантской публицистике, в особенности среди сторонников идеи «сильной национальной России», зачастую старались подчеркнуть факт участия России в Великой войне с целью защиты интересов славянских народов. Среди различных групп русских беженцев, считавших, что они оказались хотя и на чужбине, но в культурно близкой им славянской среде, энергично выражались чувства славянской солидарности. С первых дней эмиграции на страницах газетной периодики, в материалах публицистики русских беженцев заметное место стали занимать размышления о судьбах «братьев славян», охватывавшие не только культурную сторону славянских концепций, но и политическую [27, с. 272 – 285]. В данном исследовании используются материалы публицистических работ ряда представителей различных идейно-политических течений русской послереволюционной эмиграции: А.С. Изгоева, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Н.А. Фиркса, Е.В. Спекторского, А.Л. Погодина, В.И. Лебедева. Применяются традиционные методы исторического исследования: историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Анализ. В годы Гражданской войны славянская идея была использована лидерами Белого движения как одна из идейных опор осуществляемой ими антибольшевистской политики. В связи с этим многие бывшие российские дипломаты, работавшие в структурах правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака, направлялись в славянские страны, прежде всего Королевство СХС [12]. Славянская идеология должна была стать противовесом большевистскому интернационализму и помочь российским антибольшевистским силам в деле сплочения возможных славянских союзников в борьбе против большевиков. Сторонники национальной России (преимущественно правого уклона) неоднократно подчеркивали, что восстановленное российское государство, как традиционный союзник славянских народов, должно спо-

собствовать более тесному политическому сотрудничеству в семье славянских стран, в том числе и в деле защиты приобретенной славянскими народами государственности и территориальной целостности.

В политических реалиях славянская идея, как можно увидеть, не обладала идеологической целостностью и была представлена различными направлениями. Многие сторонники славянского объединения под эгидой России были представлены в среде политически правой, промонархически настроенной русской эмиграции, особенно преобладавшей в Королевстве СХС [11, с.48–51]. Оказывали влияние своими взглядами сторонники консолидации славянства в рамках европейского проекта, с учетом общих интересов и возможностей для сотрудничества между соседствующими государствами в ЦВиЮВЕ (что было ближе к идеям панъевропеизма).

Свое мнение высказывал русский общественный деятель, публицист и многолетний сторонник славянского движения А.А. Башмаков [2]. Он пришел к выводу о том, что постановка «славянского вопроса» к началу 1920-х гг. изменилась коренным образом: славянские народы обрели свою государственность, но само славянство осталось при этом без России. И этот факт необходимо было учитывать. Те формы, которые принимала славянская идея ранее, должны были быть переосмыслены с учетом сложившихся реалий [41].

Затрагивая вопрос о будущих перспективах славянских государств после завершения Первой мировой войны, участники дискуссий зачастую вступали в споры, пытаясь ответить на вопрос: на кого должны ориентироваться славяне? Продолжали звучать голоса о том, что «прежняя Россия» – освободительница славян – еще вернется на политическую арену. Но требовалось свергнуть главного врага – большевизм, что и явилось целью многих эмигрантских организаций.

В одном из номеров газеты «Возрождение» (Париж) в мае 1926 г. была напечатана речь видного российского ученого и деятеля русской колонии в Белграде Е.В. Спекторского, человека умеренно консервативных взглядов, близкого по своим воззрениям к тяготевшей вправо «национальной» части Русского Зарубежья. Данная речь, как отмечает ученый в своих воспоминаниях, была подготовлена по случаю 35-летнего юбилея клуба чешских студентов «Омладина» и была напечатана в рамках проводившихся дискуссий о судьбе славянской идеи [32, с.432–433]. Е.В. Спекторский ставит знак равенства между «Россией национальной» и «Россией славянской», а славянскую идею определяет, как неотъемлемый элемент русской культуры и политики. Переломным событием как для самой России, так и для дальнейшего развития славянских народов ЦВиЮВЕ стала Первая мировая война – «последняя жертва», по

мнению автора текста, «принесенная Россией ради славянства» [33]. Русская эмиграция, по мнению Спекторского, несмотря на весь трагизм сложившегося положения, способствовала развитию славянской идеи на новом уровне – славянство теперь воспринималось как «живая реальность, живая связь с живыми людьми». Обращаясь к представителям славянских народов Спекторский констатировал: «Ваше славянское дело это также и наше русское дело. Но и обратно: наше русское дело — это также и ваше славянское дело» [33].

Будет ли «второй том книги “Россия и Славянство”?», – задавался вопросом Е.В. Спекторский. Он продолжал свои размышления: «Наше глубокое убеждение, что продолжение первого тома последует. И если первый том закончился трагической борьбой России за освобождение славянских братьев, то второй том начнется радостным культурным и политическим общением освобожденной России со свободными славянскими народами» [33]. При этом ученый, с уверенностью взирая на положительный политический потенциал панславистской идеи, подчеркивает, что межславянское общение «будет основываться не только на часто осмеиваемом, но по существу, прекрасном чувстве славянофильства... но и на холодном политическом расчете» [33]. Спекторский усматривал в самой идее существования дебольшевизированной и в идеологическом плане ориентированной на объединение славян России залог к надежному политическому развитию славянских народов. По этому поводу профессор пишет: «Молодым славянским государствам легче будет строить свое будущее, имея союзницей мощную национальную Россию. А освободившейся России легче будет восстанавливать вызванный мировой войной и большевиками ущерб, имея союзниками другие славянские народы и государства. Не империалистический панрусизм несет с собою Россия славянству, а призыв к сотрудничеству...» [33].

Важность разворачивания «русофильского» варианта славянской идеи в процессе создания дружественного блока славянских государств на Балканах и в Центрально-Восточной Европе подчеркивал юрист и политический деятель, кадет-центрист А.С. Изгоев. В одной из своих статей публицист обращается к политической деятельности К. Крамаржа – видного политического деятеля Чехословакии, твердого сторонника свободной от большевиков национальной России и прорусской ориентации в славянском вопросе. Изгоев обращает внимание читателей на то, что возможное политическое «признание коммунистической России есть явная неблагодарность по отношению к славянской России, без которой не было бы и чехословацкой независимости» [10]. А.С. Изгоев не видел в Советской России искреннего и надежного союзника для славянских народов. Учитывая возможные притязания более сильных

европейских соседей на территории молодых славянских государств (обращаясь, в частности, к итало-югославским противоречиям), публицист пришел к выводу, что «в будущем единственная гарантия свободы как для Сербии, так и для Чехословакии только в существовании национальной России» [10].

Среди представителей русской эмиграции, размышлявших над идеями как культурной славянской взаимности, так и политического панславизма, проявил себя видный российский политический деятель, ученый и публицист П.Б. Струве. Пройдя, до революции, путь от «легального марксизма» до либерального «просвещенного патриотизма» [16], в эмиграции его взгляды претерпели эволюцию в сторону правого уклона. В своих политических статьях и заметках он явно тяготел к «национальной части» русской эмиграции, «живущей преданиями исторической России и живой ее духом» – промонархически настроенных групп беженцев, в рядах которых поддерживалась кандидатура на трон великого князя Николая Николаевича [34].

После ухода с поста редактора газеты «Возрождение» с 1927 г. он вел активную публицистическую и редакторскую деятельность в рамках газеты «Россия» (в 1928 году переименована в «Россия и славянство»), выходящей в Париже. В материалах этой газеты формулировались призывы к возрождению идеи славянской солидарности и единения. В ряде передовых статей «России и славянства» подчеркивалась мысль о необходимости объединения всех славян, которых всегда поддерживала сильная национальная Россия. «Приятие» национальной России, по мысли П.Б. Струве, соответствовало «отвержению коммунистической советчины» [19]. Соответственно, славянская идея рассматривалась Струве и его ближайшими коллегами в контексте непримиримой борьбы эмигрантов (и, в перспективе, их славянских союзников) с советским коммунизмом силовыми методами, а также в политико-идеологической плоскости.

Будучи заметной политической фигурой русского зарубежья, П.Б. Струве, вкладывая в эмигрантское движение в качестве первоочередной его задачи «борьбу за национальное освобождение от Коммунистического интернационала», связывал эту борьбу с деятельностью России в составе единого славянского мира [35, с. 406-407]. В некоторой степени идеализируя особенности государственного развития славянских народов, Струве выражал свои надежды на способность славянской общности мобилизовать внутренние силы в противостоянии с «коммунистической опасностью». В целом позицию П.Б. Струве по отношению к славянской идее отражает его мысль о том, что большевистская угроза готовила «новый подъем России, и новый расцвет славянского единения» [35]. Непримируемая позиция в отношении большевиков и защита

интересов «национальной России» – основные пункты политической концепции П.Б. Струве в эмиграции. Опираясь на них, он формировал и свои представления о славянской идее.

Любопытны опубликованные в «Русском военном вестнике» (Белград) статьи барона Н.А. Фиркса – военного и публициста правого толка, сторонника славянской идеи, сына русского генерала А.А. Фиркса. В этих статьях содержатся планы реализации идеи славянского объединения на практике посредством создания единого славянского антибольшевистского блока [36]. Сюда так же включался план по оказанию славянскими государствами финансовой помощи русской эмигрантской армии [36]. Победа над большевизмом и возрождение «былой России» должны были, по мысли Н.А. Фиркса, подвести колеблющихся славян к оживлению процесса консолидации между ними. В первой части статьи под заглавием «Восстановление России» Н.А. Фиркс поднимает мысль о долге славянских государств перед Россией, своими жертвами в годы войны содействовавшей достижению независимости славянских народов. При этом автор статьи заострял внимание на том, что в складывавшихся условиях усиления большевистского интернационализма и расширявшейся деятельности Коминтерна, европейские государства, в том числе и Германия, оказывались в куда более опасном положении, нежели это могло быть при царской России. Следовательно, заключал Н.А. Фиркс, восстановление прежнего Российского государства должно было способствовать снижению возникшей напряженности в международных отношениях [36].

Взгляд Фиркса на славянский мир достаточно радикален: разделяя славян на православных, всегда тяготевших к России, и католиков, искавших связей с западноевропейскими государствами, публицист добавляет, что Польша, будучи «веками враждебна России и всему русскому» по сути своей «вычеркнула себя из среды славянских народов» [37]. Подобная оценка имеет некоторое сходство с воззрениями пореформенных славянофилов, в особенности Н.Я. Данилевского [5, с. 125-126]. «Другая католическая страна – Чехословакия, – пишет Н.А. Фиркс, – по-видимому, идет по стопам Польши... Однако, там есть здоровое зерно – партия Крамаржа и Народных Листов»¹⁰ [37].

В статье Н.А. Фиркса звучит призыв к активным действиям в славянском лагере: «в настоящее время Россия как бы стоит на распутье. События ближайшего времени могут определить то или иное ее политическое развитие. Наступает время, когда представители славянского единения должны быть начеку и должны подать руку помощи национальной России. Нам, горячим сторонникам славянского единения и ис-

кренне любящим славянство, становится ясно, что если славяне, воспользовавшись моментом, помогут России подняться, то сама собой осуществится идея великого славянского союза, в котором славянам жить будет свободно и безопасно под сенью русского орла» [37]. При этом редакторы «Русского военного вестника», отмечая искреннюю преданность Н.А. Фиркса славянской идее, все же подчеркивали маловероятность реализации подобного проекта на деле.

Высказывались эмигрантами и мнения о потенциальных возможностях осуществления различных вариантов политического объединения славян в регионе Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, а также возможности участия в этом процессе России. Надежду на осуществление проекта славянского объединения выражал в своем примечании к публикации А.Л. Погодина редактор газеты «Славянская заря», представитель правого крыла кадетской партии Е. Ефимовский: «В чем реальность идеи славянской федерации? В объективном совпадении интересов славянских народов. Что препятствует ее осуществлению? Взаимное непонимание, местный эгоизм и интриги интернационала. Мы не видим в природе отношений между славянскими народами непреодолимых препятствий к их осуществлению. Правда, никогда еще сознание славянских народов не было так затуманено, как теперь, но это есть явление преходящее» [9]. Однако, несмотря на прослеживающийся оптимизм, эмигрантам было трудно с уверенностью сказать, когда этот сложный «преходящий» период в жизни славянских народов, наконец, завершится.

В большей мере скептически размышлял о возможности объединения славян на основе федерации А.Л. Погодин, видный российский славист и публицист. До Октябрьской революции и последовавшей эмиграции А.Л. Погодин являлся одним из поборников концепции неославизма в России, уделив немало внимания разрешению «польского вопроса», выступал за дарование полякам автономии в составе Российской империи. Он подвергал критике взгляды на славянство, сформировавшиеся среди пореформенных славянофилов, и в целом проводимую российским самодержавием политику в Царстве Польском [25]. В период эмиграции А.Л. Погодин старался следить за информацией, касавшейся происходивших политических процессов в России и славянских странах ЦВиЮВЕ. В политико-идеологическом плане Погодин перешел от либеральных воззрений к более консервативным, сблизившись с русскими монархическими кругами Белграда. Он также во многом пересмотрел свои прежние взгляды на славянский мир, назвав их в переписке с ученым-славистом В.А. Францевым «романтической мечтательностью» [14, с. 500]. Виной этому стала, по словам самого А.Л. Погодина, складывавшаяся позиция славянских наро-

¹⁰ Чешская газета *Národní listy*, с которой активно сотрудничал К. Крамарж.

дов, в политике которых он выделял «национальный эгоизм».

По мнению А.Л. Погодина, славянские народы, которые встали бы на путь федеративного объединения, должны были ждать серьезные трудности, «быть может такие, которые и не следует, и не стоит ради сохранения самого государства преодолевать» [24]. Но все же возможность такого объединения профессор полностью не отрицал, делая при этом оговорку, что оно возможно только на основе идеи «обороны от общего врага». Подобным врагом, по мнению А.Л. Погодина, могла стать усиливавшаяся Германия, в чем проявилась его солидарность с мыслью К. Крамаржа [30, с. 411]. А свободная от большевизма и сильная Россия могла бы укрепить основы непрочного Версальского порядка и оказать славянам помощь в сдерживании воинственного германизма. Идею федерации «во имя одного только славянского происхождения» А.Л. Погодин не рассматривал как реальную в ближайшем для него будущем, ссылаясь на имевшиеся разногласия, разделявшие славянские народы. «Другое дело, – продолжал ученый, – поддерживать память о нашем славянском родстве, стремиться к исканию союзников именно среди славянства... это, думается мне, задачи вполне реальные, к осуществлению которых и следует приступить» [24].

Заметной вехой в истории развития русской зарубежной мысли стало идейное противостояние К. Крамаржа, с одной стороны, и Э. Бенеша и Т.Г. Масарика с другой, о так называемом «русском вопросе». Идейный антагонизм чехословацких политиков, растянувшийся на весь межвоенный период, явил собой достаточно заметный сюжет в истории Чехословацкого государства [30; 31]. Обозначившееся идейное противостояние было определено различным пониманием славянской идеологии как консолидирующего элемента и роли в ней России. В представлении Т. Масарика (впоследствии и Э. Бенеша) разработка идеи славянского единства должна была способствовать разрешению внутренних проблем в ЦВиЮВЕ, способствовать внутренней идентификации молодых государств [4, с. 33-34]. Славянская идея в таком толковании находила себе применение в качестве приемлемой идеологической модели обновленного государственно-территориального устройства в регионе после распада Австро-Венгрии. Но при этом, вне рамок славянского содружества оказывалась Россия, так как ее будущее после революции считалось неопределенным.

Попытку разобраться в проблемах «славянской политики» после Первой мировой войны сделал и П.Н. Милюков – историк и политический деятель либеральных взглядов, находившийся в хороших отношениях с чехословацким президентом Т.Г. Масариком [3]. Несмотря на некоторые расхождения, Милюков не скрывал своих симпа-

тий в отношении воззрений первого президента Чехословакии. Касаясь рассуждений о славянстве, Милюков по его выражению, подобно Масарику, сам старался бороться «против национальной исключительности старого романтического славянофильства» [17, с. 290-291]. В своих воспоминаниях о встречах с Масариком Милюков сообщает: «Через Масарика открылись мне перспективы нового славянского мира, непохожие на славянофильские мечтания...» [17, с. 291]. Своими размышлениями о судьбе «славянской политики» в реалиях послевоенного Версальского территориального и политического переустройства П.Н. Милюков поделился в двух своих статьях публицистического характера [42; 43].

Рассматривая особенности развития славянского мира после 1918 г., Милюков писал, что результаты Первой мировой войны и состоявшихся революций в целом озаменовали собой совершенно новую стадию развития межгосударственных отношений. В послевоенных условиях стали проявляться новые настроения, складывалось совершенно новое положение на международной арене. Россия при этом, как неоднократно подчеркивал Милюков, в силу внутриполитических обстоятельств утратила свою ключевую роль в славянском мире, что, по его мнению, привело к необходимости установить своеобразную разграничительную черту. Эта черта разделяла славянскую политику на два ее исторических этапа: ушедшего прошлого и актуального настоящего [43, р. 269]. Поэтому, следуя далее логике Милюкова, положение вещей в начале 1920-х годов должно было подталкивать к иной постановке вопросов в рамках межславянских отношений. При этом ученый, понимая сложность проблемы межнациональных столкновений в ЦВиЮВЕ, делает замечание, что «всякая идея славянского государства с наличием определенных национальных меньшинств очень сомнительна» и что «идея славянской политики должна применяться молодыми государствами с большой осторожностью» [43, Р. 270].

Милюков в роли теоретика славянского вопроса в 1920-е гг. продолжал исходить из своих прежних, дореволюционных идейных убеждений [18], негативно воспринимая панславистские течения и ориентированные на русское самодержавие славянизированные идеологии. Как уже имевшиеся результаты, так и перспективы деятельности сторонников данных течений Милюков оценивал скептически. Размышляя над сложившимся положением, он пишет, что «любая славянская политика в настоящее время может осуществляться только в рамках согласия всей системы славянских государств, ревниво относящихся к своей независимости и отвергших идею российского покровительства» [42, р. 481].

Однако П.Н. Милюков (как, впрочем, и Э. Бенеш) полностью не отрицал роли российского фактора в дальнейшей судьбе славянских гос-

ударств. Вопрос скорее касался политической идеологии будущего российского государства. Лидер кадетов задавался вопросами: какой будет Россия будущего, с учетом уже свершившегося «коммунистического эксперимента»? Свершится ли эволюция большевистской идеологии? В скорую победу над большевизмом в России силами Русского Зарубежья он не верил.

Хотя Милюков и считал, что «довольно нелепо рассматривать славянскую политику в качестве основного внешнеполитического вектора России» [42, р. 491], он продолжал рассматривать будущую Россию как неотъемлемую часть европейского политического пространства. А Россия, в свою очередь, «наравне с другими европейскими державами будет заинтересована в сохранении баланса и мира в Европе» [42, р. 491-492]. С этой точки зрения предопределяется участие России в «славянских делах», так как славянские государства (здесь Милюков ссылается на слова Э. Бенеша), подобно России являются частью Европы [42, р. 493].

В своих статьях лидер российского республиканско-демократического движения симпатизировал последователям т.н. «новой славянской политики», воспитанных на идеях Т. Масарика. По мнению Милюкова, эти люди «стали играть чрезвычайно важную роль в развитии межславянских политических проектов, взяв на себя роль посредников между небольшими славянскими народами – которые возлагали свои надежды на освобождение именно на войну, провозглашавшую лозунг освобождения малых народов, – и великими державами, так как последние отвечали за проведение большой реальной политики» [43, р. 273].

Обращаясь к результатам деятельности К. Крамаржа, целью которого в первое десятилетие XX века являлось сплочение представителей славянских народов на основе неославизма, Милюков указывал на ее малую результативность. К тому же недостаточный интерес к планам К. Крамаржа со стороны российских политических кругов не позволил «новославянскому» течению развиваться далее [43, р. 274]. В своих рассуждениях публицист, цитируя работы Т.Г. Масарика по славянской проблеме, соглашается с мыслью первого чехословацкого президента о том, что хотя «национальные чувства и идеи не могут быть окончательно вытеснены интернационализмом», все же «славянский вопрос» должен быть разрешен в свете влияния идей европейской консолидации, а панславистская «самодержавная» модель должна быть заменена идеей объединения на основе демократических ценностей [43, р. 285].

Своеобразное отношение к славянской идее было свойственно левым кругам русской эмиграции, в частности представителям партии эсеров, влияние которых в 1920-е гг. было ощутимо на территории Чехословацкой республики.

Однако в политической литературе левых партий в эмиграции славянская идея не была столь популярной темой для обсуждений, и обращались к ней нечасто. Среди тех же эсеров, кто в своих текстах пытался рассуждать о «славянской теме», зачастую высказывалась мысль о том, что именно революционно-демократический фактор сыграл важнейшую роль в процессе освобождения славянских народов и последовавшего оформления их государственности. Эсер-публицист и член редакции эсеровского издания «Воля России» (Прага) В.И. Лебедев, рассматривая идею славянского единения через призму революционных движений, подвергал жесткой критике действия российской монархии и губительный результат ее политики в деле решения славянского вопроса в годы Первой мировой войны.

Лебедев пишет, что «Россия одним фактом своей революции закладывала прочный фундамент славянского единения, устранив с пути к нему то, что не только стояло непреодолимой преградой к сближению с западным славянством, но и подготавливало почву для вражды к самой России со стороны живших в русской империи славянских народов» [15, с. 71]. Революция, продолжает свою мысль публицист, «выставила на своих знаменах принцип самоопределения наций и ее первым шагом было провозглашение национальной независимости» угнетенных славянских государств, в частности упоминая сложное положение разделенной Польши [15, с. 71]. Цитируя тексты документов Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, Лебедев подчеркивал, что начатое демократическими революционными силами признание Чехословакии и Польши являло собой «путь для действительного сближения славянства», которое должно было быть осуществлено «только славянской демократией» [15, с. 74]. Проследившийся призыв оформить славянское движение в революционно-социалистическом содержании естественно не мог не задеть чувств не только твердых сторонников монархии, но и более широкой «национальной части» эмигрантского общества.

С точки зрения В.И. Лебедева, как представителя левого крыла российской общественно-политической мысли, пример чехословацкого государственного оформления представлялся наиболее успешным в практике славянского сближения в послевоенный период. При этом им особенно подчеркивается «близость к социализму» и демократизм правящей элиты Чехословакии [15]. Именно эти факторы и должны были, по мнению многих представителей левых партий, явиться основой обновленного славянского движения, заменив собой православно-самодержавную «славянофильскую» составляющую дореволюционной эпохи.

Заключение. Представления о славянской идее в дискуссиях русских беженцев носили различный характер. Публицисты-эмигранты, к како-

му бы политическому течению они не принадлежали, обращаясь к проблемам славянского мира, были вынуждены приспосабливаться к новым политическим реалиям и учитывать свершившиеся в Европе перемены. По результатам Первой мировой войны и национальных революций славянские народы обрели независимость, но из «славянского стана» выбыла сама Россия, долгие годы игравшая важную роль в славянском мире. Славянская идея в своих прежних формах должна была быть переосмыслена.

Однако в русской эмигрантской публицистике 1920-х гг. все еще находили отражение взгляды, выработанные в тех формах «славянской мысли», что возникли в дореволюционной России. Если Н.А. Фиркс, один из представителей правой военной среды русской эмиграции в Белграде, рассуждая о развитии славянской идеи прямо не ссылаясь на труды русской славянофильской мысли последней четверти XIX века, то все же в некоторых вопросах его воззрения на славянский мир находят явные пересечения со взглядами Н.Я. Данилевского.

Антибольшевистское движение русской послереволюционной эмиграции стало одним из основных факторов, оказывавших влияние на трактовку славянской идеи и размышлений о славянстве в 1920-е гг. На примере статей А.С. Изгоева, П.Б. Струве, Е.В. Спекторского и Н.А. Фиркса мы увидели, что предпринимались попытки призвать молодые славянские государства к сплочению с целью решить насущный для первых лет

эмиграции вопрос и организовать антибольшевистские силы. Помимо этого, в размышлениях русских изгнанников прослеживается желание связать славянскую идею с вопросом оформления системы коллективной безопасности в начале 1920-х гг. В русле межславянского политического сближения (с участием в этом проекте национальной меньшевистской России) рассматривалась возможность организации союзного блока на Востоке Европы.

На развитие славянской идеи в межвоенный период также оказала влияние полемика, в основе которой лежало различное восприятие целей славянского движения. Данная тема отчасти отразилась в аналитических измышлениях П.Н. Милюкова. Во взглядах последователей ориентированного на Россию славянства и сторонников «реальной славянской политики» (прежде всего в чешских общественно-политических кругах) обнаружилось противоречивое понимание славянской идеологии и ее консолидирующего потенциала. В действительности имело место быть противостояние двух сложившихся к началу 1920-х годов мировоззрений. С одной стороны, это консолидация славянства в рамках европейского пространства (панъевропеизм), а также стремление использовать славянскую идею в рамках решения национальных задач в ЦВЮОБЕ. С другой стороны, объединение славян во главе с прежним традиционным союзником – национальной, освобожденной от большевиков Россией.

Литература

1. Аксёнова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
2. Аксёнова Е. П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.
3. Вандалковская М.Г. Политическое и научное единомыслие первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика и лидера российского либерализма П.Н. Милюкова // История и историки: историографический вестник. 2009-2010 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 171–186.
4. Влчек Р. Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность) / пер. с чеш. Г. П. Мельникова // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 26–44.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Досталь М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и практике ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. 2001. С. 85–95.
7. Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.
8. Дьяков В. А. Славянский федерализм в воззрениях М.А. Бакунина и М.П. Драгоманова // Славянская идея: история и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 95–110.
9. Ефимовский Е. Утопия или возможность? // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.
10. Изгоев А. С. Д-р К. Крамарж о России // Руль. Берлин. 1927. 16 февраля. № 1889.
11. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах (1920-1940) / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; научное редактирование А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова. М.: Русский путь, 2005. 488 с.
12. Косик В. И. Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр «Амур» // Славяноведение. 2002. № 1. С. 93–100.
13. Кудряшев В. Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 364. С. 65–71.
14. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
15. Лебедев В. И. На пути славянского сближения // Воля России. 1923. Ноябрь. С. 70–78.
16. Люкс Л. Русский государственный Петр Струве (1870-1944) [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 1. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).
17. Милюков П. Н. Мои встречи с Масариком // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред., сост. М. Г. Вандалковская; подг. текста, комм. В. В. Тихонов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 289–300.

18. Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [Публ. лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Ист. музея] / П. Милюков. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893. 53 с.
19. Наша годовщина. // Россия и славянство. 1929. 7 декабря. № 54.
20. Ненашева З.С. Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма // Славянские съезды XIX-XX вв. М.: ИСБ РАН, 1994. С. 99–112.
21. Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и Новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
22. Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый 1830-1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
23. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.
24. Погодин А.Л. Одна из утопий // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.
25. Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. Кн. 1. С. 249–265.
26. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб: Колос, 1913. 189 с.
27. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.
28. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. 623 с.
29. Романенко С.А. Советская югославистика: между славяноведением и поисками «Средней Европы» // НЛО. 2009. № 97. С. 90–106.
30. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
31. Серапионова Е.П. Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса» // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 48–56.
32. Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко. Подготовка текста, коммент. С.И. Михальченко. Рязань: Изд-во П.А. Трибунского, 2020. 654 с.
33. Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356.
34. Струве П.Б. Наши идеи // Дневник политика (1925 – 1935). М.; Париж: Русский путь, 2004. С. 123–124.
35. Струве П.Б. Новая жизнь славянства и России // Дневник политика (1925–1935). М.; Париж: Русский путь, 2004. С. 406–407.
36. Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. 1926. 25 июля. № 51.
37. Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. 1926. 5 сентября. № 57.
38. Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М.: Индрик. 2020. 368 с.
39. Bataković D. French Influence in Serbia 1835–1914. *Balkanica*. 2010(41). P. 93–129.
40. Die slavische Idee : Beitrage am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava: Slovak Academic Press, 1993. 149 S. [Славянская идея: вклад в симпозиум Матии Майар-Зильски, проходивший с 6 по 10 июля 1992 г. в Траттене/Пошище, Каринтия / под ред. А. Морич. Братислава: Словацкая академическая пресса, 1993. 149 с.].
41. Rusev R. Slavophilism, Slavic idea and Russian emigrant intellectuals in Bulgaria in the 20s and 30s of the 20th century. SESDivia project. 2018. URL: <https://sesdivia.eu/en/virtual-rooms/russian-immigration-balkans/item/60-slavophilism-slavic-idea-and-russian-emigrant-intellectuals-in-bulgaria-in-the-20s-and-30s-of-the-20th-century> (accessed: 18.10.2023)
42. Milyukov P. A new Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1928. Vol. 6. No. 18. P. 481–495.
43. Milyukov P. The World war and Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1927. Vol. 6. No. 17. P. 268–290.

References

1. Aksionova EP. A. N. Pypin on Slavs. Moscow: Indrik; 2006. 504 p. (In Russ.).
2. Aksionova EP. Slavophil A.A. Bashmakov on the crisis of the Slavic idea. *Slavjanovedenie*. 2001;5:83-89. (In Russ.).
3. Vandalkovskaja MG. Political and scientific unanimity of the first President of Czechoslovakia T.G. Masaryk and the leader of Russian liberalism P.N. Milyukov. *Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik*. 2009-2010. 2012:171-186. (In Russ.).
4. Vlček R. Slavism as a Pillar of the Emerging Czechoslovak State (Idea, Ideology and Statehood). Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS publ; 2020. p. 26-44. (In Russ.).
5. Danilevskij NJa. Russia and Europe. Moscow: Kniga; 1991. 574 p. (In Russ.).
6. Dostal' MJu. The Slavic world and the Slavic idea in the philosophical constructions and practice of the early Slavophiles. *Slavjanskij al'manah*. 2001:85-95. (In Russ.).
7. Djakov VA. The Slavic question in prerevolutionary Russian public life. Moscow: Nauka; 1993. 207 p. (In Russ.).
8. Djakov VA. Slavic federalism in the views of M.A. Bakunin and M.P. Dragomanov. Slavic idea: history and modernity. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS; 1998. P. 95-110. (In Russ.).
9. Efimovskij E. Utopia or opportunity? *Slavjanskaja zarja*. Prague. 1920. July 4th. No. 165. (In Russ.).
10. Izgoev AS. Dr. K. Kramář on Russia. *Rul'*. Berlin. 1927. February 16. No. 1889. (In Russ.).
11. Jovanović M. Russian Emigration on the Balkans (1920-1940). Moscow: Russkij put'; 2005. 488 p. (In Russ.).
12. Kosik VI. The Idea of Slavic union and Russian revival. The Amur Cypher. *Slavjanovedenie*. 2002;1:93-100. (In Russ.).
13. Kudrjashev VN. Transformation of Slavophilism into Pan-Slavism as a change in the concept of Russian nationalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;364:65-71. (In Russ.).
14. Lapteva LP. History of Slavic studies in Russia at the end of the 19th – first third of the 20th century. Moscow: Indrik; 2012. 840 p. (In Russ.).
15. Lebedev V.I. On the path of Slavic rapprochement. *Volja Rossii*. 1923;18:70-78. (In Russ.).

16. Luks L. Russian Statesman Peter Struve (1870-1944). Forum for the history and culture of Eastern Europe. Russian edition. 2014;1. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (accessed: 16.10.2023).
17. Miljukov PN. My meetings with Masaryk. P. N. Miljukov: "Russian European". Journalism in 1920–30s. Moscow: ROSSPEN; 2012. 326 p. (In Russ.).
18. Miljukov PN. Decomposition of Slavophilism. Danilevskij, Leontev, VI. Solovev. Publ. lecture, reading 22 Jan 1893 in the auditorium of the Historical Museum. Moscow: typography of the partnership I.N. Kushneryov and Co.; 1893. 53 p. (In Russ.).
19. Our anniversary. *Rossija i slavjanstvo*. 1929. December 7. No. 54. (In Russ.).
20. Nenasheva ZS. The Slavic Congress of 1908 in Prague and its place in the formation of the ideology and program of neo-Slavism. Slavic congresses in the XIX-XX centuries. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS; 1994. P. 99-112. (In Russ.).
21. Pavlenko OV. Pan-Slavism and its models. *Novaja i novejšaja istorija*. 2016;5:3-15. (In Russ.).
22. Pavlenko OV. Pan-Slavism: real and imaginary. 1830-1860s. Moscow: RSUH publ.; 2023. 404 p. (In Russ.).
23. Pan-Slavism in the History of Politics and Thought in Twentieth-Century Russia. Moscow: Moscow University Press; 2018. 218 p. (In Russ.).
24. Pogodin AL. One of the utopias. *Slavjanskaja zarja*. Prague. 1920. July 4th. No. 165. (In Russ.).
25. Pogodin AL. Reasons and goals of the newest Slavic movement. *Vestnik Evropy*. 1909;1:249-265. (In Russ.).
26. Pypin AN. Panslavism in the past and present (1878). St. Petersburg: Kolos; 1913. 189 p. (In Russ.).
27. Romanenko SA. Between "proletarian internationalism" and "Slavic brotherhood". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 1024 p. (In Russ.).
28. Romanenko SA. Yugoslavia, Russia and the "Slavic Idea". The second half of the XIX - beginning of the XXI century. Moscow; 2002. 623 p. (In Russ.).
29. Romanenko SA. Soviet Yugoslav studies: between Slavic studies and the search for "Central Europe". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009;97:90-106. (In Russ.).
30. Serapionova EP. Karel Kramář and Russia 1890–1937. Moscow: Nauka; 2006. 512 p. (In Russ.).
31. Serapionova EP. Debate between K. Kramář and E. Beneš on the role of Russia in resolving the "Czech question". *Slavjanskij al'manah*. 2015;1-2:48-56. (In Russ.).
32. Spektorskii EV. Memoirs. Riazan: publ. by P.A. Tribunskii; 2020. 654 p. (In Russ.).
33. Spektorsky EV. Russia and the Slavs. *Vozroждение*. Paris. 1926. May 24. No. 356. (In Russ.).
34. Struve PB. Our ideas. Diary of a Politician (1925-1935). Moscow; Paris; 2004. P. 123-124. (In Russ.).
35. Struve PB. New life of Russia and the Slavs. Diary of a Politician (1925-1935). Moscow; Paris; 2004. P. 406-407. (In Russ.).
36. Firks NA. Restoration of Russia. *Russkij voennyj vestnik*. Belgrade. 1926. July 25. No. 51. (In Russ.).
37. Firks NA. Restoration of Russia. *Russkij voennyj vestnik*. Belgrade. 1926. September 5. No. 57. (In Russ.).
38. Churkina IV. Russia, Slavophiles and foreign Slavs. Essays on history. Moscow: Indrik; 2020. 368 p. (In Russ.).
39. Bataković D. French Influence in Serbia 1835-1914. *Balkanica*. 2010;41:93-129.
40. The Slavic idea: contributions to the Matija Majar-Ziljski symposium from 6 to 10 July 1992 in Tratten/ Pošišče, Carinthia / edited by A Moritsch. Bratislava: Slovak Academic Press; 1993. 149 p. (In Germ.).
41. Rusev R. Slavophilism, Slavic idea and Russian emigrant intellectuals in Bulgaria in the 20s and 30s of the 20th century. SESDiva project. 2018. URL: <https://sesdiva.eu/en/virtual-rooms/russian-immigration-balkans/item/60-slavophilism-slavicidea-and-russian-emigrant-intellectuals-in-bulgaria-in-the-20s-and-30s-of-the-20th-century> (accessed: 18.10.2023).
42. Milyukov P. A new Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1928;6(18):481-495.
43. Milyukov P. The World war and Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1927;6(17):268-290.